

Джерела та література

1. Миллер А.И. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 52.
2. В'юницька О.І. Аналіз концептуально-теоретичних підходів до визначення поняття Центрально-Східна Європа // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2002. – Вип. 33. – Ч. 1.
3. Вандич П. Ціна свободи: Історія Центрально-Східної Європи від Середньовіччя до сьогодення. – К., 2004.
4. Политическая наука. – 2001. – № 4.
5. Мельник В., Сковчиляс Л. Політична регіоналістика: предметне поле і теоретико-методологічні основи // Вісник Львівського університету. Серія: філософські науки. – 2002. – Вип. 4.
6. Шаншиева Л.Н. Немецкие историки о концепции Центральной Европы // Политическая наука. – 2001. – № 4.
7. Кірсенко М. Східно-Центральна Європа: від геополітичних фантомів до історичної реальності і геополітичної перспективи // Україна і Польща у Східно-Центральній Європі: спадок і майбуття. – К., 1999.
8. Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И. Регионоведение: Учеб. для студ. вузов. – М., 2003.
9. Кржен Я. Центральная Европа: какой она видится из Чехии // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М., 1993.
10. Тодорова М. Воображая Балканы // Политическая наука. – 2001. – № 4.
11. Spoluc R. Defining “Central Europe”: Power, Politics and Culture // Cross Currents. A Year-book of Central European Culture. – 1982. – Vol. 1.
12. Хаванова О.В. Центральная Европа как уходящая натура? (Некоторые итоги дискуссии последних десятилетий в венгерской историографии) // Политическая наука. – 2001. – № 4.
13. Agh A. Emerging Democratic in East Central Europe and the Balkans. – Cheltenham, 1998.
14. Політична карта СНД. – К., 1996.
15. Історія Центрально-Східної Європи / За ред. Л. Зашкільняка. – Львів, 2001.
16. Лыкошкина Л.С. Польские ученые о проблеме Центральной Европы // Политическая наука. – 2001. – № 4.
17. Грицак Я. І ми в Європі? // Страсті за націоналізмом: Історичні есеї. – К., 2004.
18. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 6 (52).
19. Маслійчук В. Концепція "Східно-Центральної Європи" Вернера Конце в контексті "європеїзації" сучасної української історичної науки // Історія та історіографія в Європі. – 2003. – № 1-2.
20. Каганов Ю.О. Компаративістика в історичних дослідженнях // Сборник материалов научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 2003 г. – Запорожье, 2003.
21. Страны Центральной и Восточной Европы на пороге XXI века: Проблемно-тематический сборник. – М., 1999.

Summary

The article deals with the consideration of the conception of Central-Eastern Europe as a historical region. The author traces the stages of evolution of the notion and gives an up-to-date understanding of the conception “Central-Eastern Europe” in the World and Ukrainian historiography, shows common historical, political and cultural characteristic features of the region. The methodological aspects of applying the conception of Central-Eastern Europe as a historical region when studying transformation processes on the edge of the 1980-1990ties are singled out in the article.

А.Ю. Жиряков

“ИМПЕРСКОЕ” НАПРАВЛЕНИЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В последнее время (1998-2005 гг.) в постсоветской исторической науке, в частности историографии Второй мировой войны, появилось новое направление, которое далее именуется “имперским”. Для авторов данного направления характерны общие теоретические основы и аксиологические ценности, что и позволяет выделить их в отдельное направление.

Изучение причин возникновения и методологических приемов данного направления является актуальным как для дальнейшего совершенствования и расширения методологии исторических исследований Второй мировой войны в частности, так и для методологии исторической науки в целом.

Целью данной статьи является изучение методологических особенностей “имперского” направления постсоветской историографии Второй мировой войны, которые не были объектом специального исследования в украинской историографии, вследствие новизны данного явления.

Для достижения поставленной цели автор ставит следующие задачи: выявить причины возникновения нового направления; установить основную форму и тип изложения исторического исследования авторов данного направления; выявить основной и новый (если имеется) методы исследования, используемые в данном направлении, методологию их применения; рассмотреть особенности схемы-требования к аргументации и методологические требования к ней.

Общим для теоретической базы авторов данного направления является синкретизм, то есть активное использование отдельных теоретических разработок системного подхода, евразийства, марксизма, цивилизационного подхода в комплексе.

Общим в иерархии аксиологических ценностей для них является приоритет государства как высшей ценности, и империи как высшей формы государства. На основании данной особенности этого направления оно и получило наименование “имперского”.

Конечно же, историки данного направления при переходе на следующий уровень системы подразделяются на течения, и вероятно со временем произойдет их разделение на исторические школы.

Появление нового направления в исторической науке возможно лишь в том случае, когда старые направления по каким либо параметрам (теоретическим, аксиологическим, методическим, фактографическим) перестали устраивать историков. Вследствие этого авторы нового направления обязательно указывают на те элементы исторического исследования, которые на их взгляд являются неверными либо устаревшими. Как известно, с середины 40-х и вплоть до середины 80-х годов XX ст. господствующим, а фактически единственным, направлением в изучении истории Второй мировой войны была официальная советская историография, которую в период “перестройки” сменила демократическая историография, также занявшая монопольное положение в исторической науке. Таким образом, к моменту возникновения “имперского” направления существовало два предшествующих направления в изучении проблем Второй мировой войны, разделенных незначительным временным промежутком. Поэтому апологетам нового направления потребовалось провести критику обоих предшествующих направлений с указанием их недостатков. На наш взгляд, наиболее понятно и логично это удалось сделать А.И. Колпакиди, М.И. Мельтюхову, С.Т. Брезкуну (Кремлеву), Ю.И. Мухину.

А.И. Колпакиди указывает: “Основной миф, жирный, разросшийся на всю историческую науку и сосущий ее кровь, из-под которого лишь кое-где проглядывают ошметки правды, – это миф о Советской России. Точнее два мифа-близнеца, этакое парное историческое божество – легенда о стране победителей и легенда о стране ужаса. Этого перевертыша можно использовать – и используют – с обеих сторон” [1.-С.80-81]. “Ибо если в советское время под влиянием идеологического диктата партии историки лишь замалчивали те или иные факты, события, имена, – что конечно, очень плохо, – то с началом перестройки в исторической науке наступило время открытой и наглой лжи” [1.-С.9].

С.Т. Брезкун (Кремлев) пишет: “Разные историки... лгали или умалчивали по-разному. На их взгляды и готовность к точности, имея в виду их приверженность... ЦК КПСС, влияли одни факторы, на позиции западных историков – другие. В постсоветские времена... начали действовать совсем уж отпетые лжецы, конъюнктурщики и “историки” – расстриги” [2.-С. 12].

Ю.И. Мухин пишет, что историкам: “...предоставлена возможность ознакомиться с уймой фактов, которые капээсэсовцы по причине своей тупости ... скрывали. Эти факты представляются в основном демократической стороной ... Но в силу органической умственной неполноценности демократы, как правило, не в состоянии эти факты осмыслить...” [3.-С. 89-90].

М.И. Мельтюхов, рассматривая данную проблему, указывает: “События ... должны были рассматриваться в литературе исключительно в рамках официальной советской версии, под которую подгонялись все новые факты...” [4.-С.10]. “...Появление новых документов, расширение доступа к архивным фондам и освобождение историков от жесткого идеологического диктата со стороны властей поставили задачу нового осмысления этой темы” [4.-С.6]. “...Но к сожалению, далеко не всегда уделялось должное внимание обобщению этих материалов. Этот процесс в основном

развивался ... на основе заимствования ряда характерных для западной историографии концепций этого периода” [4.-С.7-8].

Официальная советская историография, по мнению авторов “имперского” направления, перестала соответствовать научным требованиям, ибо в ее рамках невозможно было снять логическое противоречие между ее концептуальными основами и новыми фактами, введенными в научный оборот. Причем кризис данного направления возник, по мнению М.И. Мельтюхова, еще в 70-е годы, и лишь жесткий идеологический диктат КПСС способствовал его сохранению и существованию, посему и крах данного направления по времени логично совпал по времени с крахом КПСС.

Таким образом, к середине 80-х годов четко проявился кризис советской историографии Второй мировой войны, а именно, ее концептуальные основы вошли в явное противоречие с новым фактографическим материалом. Часть нового материала противоречила базовым идеограммам, основанным на официальной пропаганде, а часть не могла получить объяснения на ее методологических принципах. Данный кризис был явным и осознан значительным числом историков, что и привело советскую историографию к быстрому краху. Иначе говоря, она скончалась от старости раньше, и как только КПСС перестала заботиться о ее мумифицированном трупе, она немедленно рассыпалась в прах. Следует отметить, что данный кризис назрел не только в советской, но и зарубежных официальных историографиях. Так английский историк Л. Дейтон указывает “заблуждения очень часто пускают корни в истории, и от них особенно трудно избавиться, когда они становятся общепризнанными и закрытыми для пересмотра. Однако исторические заблуждения не являются уделом одних британцев. Немцы, русские, японцы и американцы также имеют свои мифы...” [5.-С.5]. “...Настала пора развеять мифы...” [5.-С.8].

Демократическое направление “...оказалось в ситуации, когда процесс введения в научный оборот новых документов необходимо дополнить их комплексным осмыслением, что требует формулирования новых концепций...” [4.-С.11]. Однако с объективной потребностью создания новой концепции Второй мировой войны демократическое направление, по мнению данных историков, не сумело справиться.

М.И. Мельтюхов [4.-С.18], Ю.И. Мухин [3.-С.69] считают, что в качестве концептуальной основы демократического направления взяты: в аксиологической части – идеогаммы официальной западной, прежде всего, англосаксонской историографии (демократические ценности и свободы); в методологической части – частично используются методы советской историографии, частично применяется такой метод англосаксонской историографии, как психологизм. Однако они имеют тот же фундаментальный недостаток, что и советское направление, несоответствие устаревших концептуальных основ новому фактографическому материалу.

А.И. Колпакиди выдвинул гипотезу, что концептуальные основы в их аксиологической части, как советского, так и демократического направления одинаковы, их отличает лишь знак, что положительно в одном, то отрицательно в другом, и наоборот, “...ни хрущевские реабилитаторы, ни ревизионисты-перестройщики при всем своем усердии нисколько не затронули мифологию. Сменились только знаки некоторых событий, вот и все”. [1.-С.82]. Методологическая же часть осталась неизменной. С данной гипотезой согласен С.Г. Кара-Мурза [6.-С.450-453]. Объективная же задача приведения в соответствие фактографического материала с концептуальными основами осталась нерешенной и в рамках демократического направления.

Следовательно, возникшее в 70-90 гг. в исторической науке объективное противоречие между новым фактографическим материалом и устаревшими концептуальными основами не было успешно разрешено ни в рамках советской, ни в рамках демократической историографии. Отсюда становится понятна как основная задача нового направления – разработка новых концептуальных основ, так и время его возникновения – конец 90-х годов.

Хронологическая последовательность основных направлений историографии Второй мировой войны определяет степень дискуссионности между ними.

Можно выделить советское направление историографии Второй мировой войны (середина 40-х – середина 80-х гг.), демократическое направление (середина 80-х гг. – по современность), “Имперское” направление (конец 90-х гг. – по современность).

Наибольшая степень дискуссионности существует между однотемпоральными направлениями, вследствие этого понятно, почему основной критике со стороны авторов “имперского” направления подвергается демократическое направление историографии Второй мировой войны, а советское критикуется эпизодически, ведь его основная критика выполнена еще демократическим

направлением, а работающих исследователей советского направления в настоящее время фактически нет.

Авторы данного направления разработали и массово используют новую форму изложения своих исследований – “популярную монографию”. Наиболее четко требования к ней изложены у А.Б. Широкограда и Ю.И. Мухина – “автор старательно избегал брать за основу фантастические гипотезы или пользоваться недостоверными фактическими данными” [7.-С.3], “авторы пишут просто и доступно только тогда, когда надеются на то, что читатель поймет и заинтересуется тем, о чем они пишут. Писать заумно – это считать себя гением и презирать читателя” [8.-С.7], “Когда речь идет о твоей Родине, то беспристрастным к ней может быть только подонки, а нормальные люди к своей Родине пристрастны. ...Как только историк или ученый начнет убеждать вас, что он беспристрастен, или начнет делать вид беспристрастности, то вам следует ожидать, что он вас сейчас обманет” [3.-С.23]. Однако наряду с новыми требованиями к историческому исследованию – ответственности (если автор не знает, сомневается, реконструирует, ошибался в ранних работах – должен об этом публично заявить), читабельности, публичной (объявленной) пристрастности, сохраняется аппарат цитирования и аргументации, обязательные для научной монографии.

Все авторы данного направления декларируют о приоритетном месте системного анализа как метода своих исследований, но естественно не у всех получается достаточно строго его придерживаться. Самую четкую и логичную схему использования системного анализа в своих работах предложил А.Б. Широкоград. “Системный метод автора заключается в том, что все факты рассматриваются в контексте конкретных войн, но также по исторической вертикали и горизонтали. По вертикали каждый факт увязывается с предшествующими событиями, по горизонтали он синхронизируется с событиями в других регионах или социальных сферах. Именно такой подход позволил по-новому взглянуть на многие, казалось бы общеизвестные, исторические факты” [7.-С.4]. “В наиболее же принципиальных случаях автор оценивает действия ... по степени их отклонения от оптимального варианта (понимаемого как наиболее эффективный путь к достижению поставленной цели). Дать такую оценку можно, лишь рассмотрев альтернативные варианты...” [9.-С.4].

Алгоритм применения системного анализа предлагается следующим:

На первом этапе с помощью системно-генетического подхода предлагается определить условия зарождения, развития и трансформации системы.

На втором этапе, используя структурно-функциональный подход, необходимо установить внешнюю и внутреннюю структуру, что предполагает выделение структурных элементов и подсистем, определение их функций, а также установление и классификацию системных связей. Под внешней системой подразумевается система международных отношений (государство – элемент системы), под внутренней – государство/общество (государство – система).

На третьем этапе анализа, опираясь на системно-деятельный подход (потребность – субъект – объект – условия – процесс – результаты), рассматривается конкретное историческое явление.

На заключительном этапе необходимо установить и доказать истинность точек бифуркации системы.

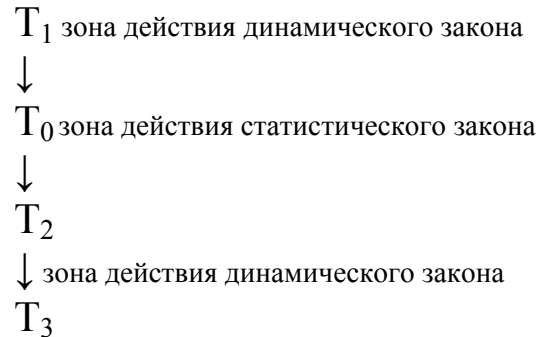
Естественно введение в методологические требования нового условия - установить и доказать истинность точек бифуркации системы, потребовало разработки от авторов “имперского” направления как новых теоретических гипотез, так и четкой методики их применения, с помощью которых было бы возможно это условие выполнить.

Стимулом к теоретической разработке нового метода исторического исследования стал выход в 1995 году работы группы англо-американских историков под редакцией К. Macksey “The Hitler Options”. В 2001 году был издан ее русский перевод под названием “Упущенные возможности Гитлера”. А в послесловии к ней Р. Исмаиловым, С. Переслегиным были сформулированы основные требования к новому методу, получившему название “альтернативная история”. Его теоретической основой стала бифуркационная гипотеза.

Суть бифуркационной гипотезы состоит в следующем: есть некоторая последовательность связанных друг с другом событий, параметризованных физическим временем. Связи эти носят причинно-следственный характер, то есть существует некий динамический закон, управляющий движением системы, причем это управление осуществляется исключительно от прошлого к будущему. Если $T_1 < T_2$, то изменение системы в момент времени T_2 , никогда не изменит систему в момент времени T_1 . Так как система “История” гомеостатична (устойчивая система, нивелирующая отклонения), то есть лишь счетное количество точек, в которых изменения в момент времени T_0 вызовут изменения в момент времени T_2 . Причем сколь угодно малые изменения в точках T_0 могут вызвать сколь угодно заметные изменения в точке T_2 . Следовательно, в данных точках действует не динамический, а статистический закон.

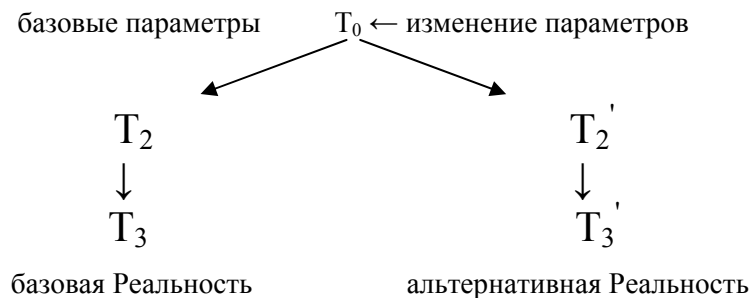
Схема 1.

Дискретность динамического и статистического законов в системе “История”

Схема 2.

Расхождение базовой и альтернативной Реальности.

“В “альтернативной истории” важно не только отыскать некий отправной ключевой момент (точку бифуркации – А.Ж.), но и рассчитать отклик системы на проделанное вами “переключение Реальности”. [10.-С.396].

“Альтернативная история” оказывается очень сложным жанром. От автора требуется не только виртуозное владение фактами, но и ... способность своими глазами видеть теньевые Реальности. Он должен чувствовать узловые точки исторического процесса, разбираться в диалектике субъективного/объективного, понимать взаимосвязь гомеостатического и наведенного поведения системы, ориентироваться в катастрофических решениях, когда малейшие изменения начальных условий приводят к колоссальным изменениям динамики” [10.-С.398-399].

Систематизировав и упорядочив методологические разработки С. Переслегина [10.-С.391-401, 477-489], представляется возможным представить такой алгоритм применения данного метода:

На первом этапе необходимо провести следующую работу:

- досконально изучить фактографический материал;
- проследить полный генезис системы;
- выявить все системные элементы и определить все их функции;
- провести истинную классификацию системных связей на основные, второстепенные, случайные.

На втором этапе установить предполагаемые точки бифуркации.

На заключительном этапе провести исследование истинности точек бифуркации по следующему алгоритму (С. Переслегин предлагает для него название “алгоритм Азимова” [10.-С.479]): изменение параметров базовой Реальности → развитие результирующей Реальности → максимальная ожидаемая реакция → спад Отклонения → возвращение к базовой Реальности.

Если через определенный временной промежуток произойдет совпадение результирующей Реальности с базовой Реальностью, то данная точка не является “критическим моментом истории”, если же совпадения результирующей Реальности с базовой Реальностью не случится и возникнет устойчивая альтернативная Реальность, то значит “критический момент истории” обнаружен и обоснован.

Данный метод достаточно быстро был включен историками “имперского направления” в методологический аппарат. В 2000 году Р. Исмаилов и С. Переслегин сокрушаются “что и при советской власти, и в годы перестройки, и в наше демократическое время специалисты-историки бежали альтернативных версий аки огня” [10.-С.392] и удивляются “тем большим оказалось наше изумление при виде оригинала этой книги, а также перечня ее авторов, среди которых профессиональные военные историки.... Словом не писатели-фантасты и даже не ищущие сенсаций журналисты, а люди серьезные и солидные. Выходит, и сама альтернативная военная история на Западе воспринимается как занятие вполне уважаемое?” [10.-С.392]. Однако уже в 2003 году А.Б. Широкоград заявляет “автор принципиально отвергает набивший оскомину постулат: “История не терпит сослагательного наклонения”. Историк, следующий этому постулату, превращается в “попку-дурака”, популярно либо заумно пересказывающего известные ему факты” [9.-С. 3].

Как следует из вышеуказанного метод “альтернативной истории” является очень трудоемким и требует высокой квалификации исследователя, поэтому он вряд ли пригоден к массовому использованию.

Авторы данного направления также внесли свои изменения и в стандартные схемы-требования к аргументации. Как известно, стандартные схемы являются трехчленными и их принято располагать в следующем порядке: среднее доказательство – слабое доказательство – сильное доказательство или сильное доказательство – слабое доказательство – среднее доказательство.

В работах авторов “имперского” направления применяется иная схема аргументации. Довольно четко требования к ней изложены у Ю.И. Мухина “...нормальным людям, ...обилие малозначащих и сомнительных доказательств ни к чему – человеку достаточно порой одного факта, чтобы понять суть дела...” [3.-С.318-319], “...предоставляет одно-два доказательства, но весомых – таких, которые невозможно опровергнуть, и таких которые понятны...” [3.-С.318-319]. Таким образом, авторы данного направления, декларируют отказ от использования слабых доказательств. В идеале они требуют использования только сильных (значимых и убедительных) доказательств, причем их количество может быть минимальным. Однако на практике в своих работах авторы данного направления применяют следующие схемы-требования:

- сильное доказательство – сильное доказательство;
- среднее доказательство – среднее доказательство – сильное доказательство.

Итак, декларируемая и реальная схема-требование к аргументации у авторов “имперского” направления различаются, если декларируемая одночленная, то реальная двучленная. Однако и та, и другая отличаются от стандартной, что позволяет сделать вывод о разработке и использовании ими специфической, присущей лишь данному направлению схемы-требования к аргументации.

Авторы “имперского” направления требуют применять в качестве значимых аргументов числа. “Словами можно до бесконечности спорить о том, что больше – первое или второе? И можно доказывать, что первое более значимое, а второе более героическое - первое более цивилизованное, а второе более прогрессивно и т.д. и т.п. Но когда вместо потоков болтовни начинают применять числа, то все становится на свои места, а если вместо “первого” мы назовем число 2, а вместо “второго” – 8, то как тут спорить, что больше?” [3.-С.184].

Следующей методологической особенностью работ авторов “имперского” направления можно считать активное использование опровержения, как способа доказательства. При использовании опровержения ими используются стандартные приемы – критика тезиса, критика аргумента, критика демонстрации. Никаких специфических требований собственно к опровержению не предъявляется.

Однако, следует заметить, что в отличие от советского направления, характерной чертой которого было “мозаичное” цитирование оппонентов (к сожалению эта его особенность была унаследована и демократическим направлением), то есть либо сознательный разрыв логической последовательности тезис – аргумент, либо использование исключительно слабых аргументов оппонентов, с умалчиванием остальных. Для авторов же “имперского” направления свойственен прием полного цитирования (т.е. тезис – все аргументы). Поэтому в их работах значительное место занимает изложение работ оппонентов. Наиболее показательна в этом отношении работа Ю.И. Мухина “Антироссийская подлость”, где текст работы без списка литературы составляет 748 страниц, а цитаты из работ оппонентов занимают 144 страницы – 19,25% от текста работы.

Естественно, использование данного методического приема в подобной форме, лишает историческое исследование статуса теории и закрепляет за ним статус гипотезы, нуждающейся в проверке. А прошла гипотеза проверку или нет, решает каждый читатель. Следовательно, критика их работ не просто возможна, а **обязательна**. Авторы “имперского” направления хорошо это сознают. А.И. Колпакиди пишет: “...Все изложенное здесь – основанная на фактах и документах ВЕРСИЯ. Не более того – то есть не истина...” [1.-С.14]; А.Б. Широкоград отмечает: “Автор предпочитает предоставить читателям... самим осмыслить проблему и сделать свои выводы” [9.-С.3-4];

Ю.И. Мухин: “Соответственно, у каждого читателя есть право самому рассмотреть все доказательства ... и самому решить” [3.-С.12]; М.И. Мельтюхов: “В отличие от некоторых..., автор полагает, что изучение ... потребует еще усилий не одного поколения историков, и всегда открыт для любой конструктивной дискуссии” [4.-С.17].

Таким образом, характерной особенностью методологии “имперского” направления является открытая дискуссионность, а, следовательно, сознательное закрепление за своими исследованиями статуса гипотезы. Это непривычно как для советского, так и демократического направлений историографии Второй мировой войны, где каждому опубликованному исследованию априори придавался статус теории.

Рассмотрев основные методологические особенности “имперского” направления, можно прийти к следующим выводам:

- основным методом исторического исследования является системный анализ;
- в рамках данного направления разработан новый метод исторического исследования – “альтернативная история”;
- разработана методология применения системного анализа и метода “альтернативной истории” в историческом исследовании;
- разработана новая форма изложения исторического исследования “популярная монография” и требования к ней;
- авторы сознательно пошли на снижение типа исследования от теории до гипотезы, что предполагает его обязательную критику;
- практически введена новая двухчленная схема-требование к аргументации, разработаны методологические требования к одночленной схеме – требованию к аргументации.

Источники и литература

1. Колпакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. – М., 2000.
2. Кремлев С. Россия и Германия сравнить! От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. – М., 2003.
3. Мухин Ю.И. Антироссийская подлость. Научно-исторический анализ. – М., 2003.
4. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (Документы, факты, суждения). – М., 2000.
5. Дейтон Л. Вторая мировая: ошибки, промахи, потери. – М., 2000.
6. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация: В 2 т. – М., 2002. – Т. 1; Т. 2.
7. Широкоград А.Б. Северные войны России. – М., 2001.
8. Мухин Ю.И. За державу обидно! – М., 2004.
9. Широкоград А.Б. Русско-японские войны 1904-1945 гг. – Минск, 2003.
10. Макси К. Упущенные возможности Гитлера. – М., 2001.

Summary

In clause the reasons of occurrence “impare” of a direction a postsoviet historiography of the Second World War are considered; the main form and type of presentation of historical research of the authors of the given direction is placed; the methods of the researches used in the given direction, methodology of their application are detected main and new; the feature of the circuit - requirement to the argument and methodological requirements to it is considered.